

Субботы на набережной

Шахноза Азимова

18+

Шахноза Азимова

Субботы на набережной

<https://litres.ru/74126327>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алиса приезжает в Стамбул, чтобы проверить счета миллиардера Дениза. Вместо финансовых махинаций она находит его старый дневник.

1997 год. Он — бедный мальчишка, который пишет стихи о рыжей девочке. 2026 год. Он — ледяной делец, который строит небоскребы и не умеет улыбаться.

Дениз шантажирует её молчанием. Она отвечает холодом. Но каждую субботу они встречаются на пустой набережной, и между ними происходит война, которая всё больше похожа на танец.

Она читает его дневник тайком. Она узнаёт его настоящего — того, кого он похоронил двадцать лет назад. И теперь у неё есть выбор: уйти, пока не поздно, или остаться и научить его чувствовать заново.

Только вот беда: он разучился просить о помощи. А она разучилась верить мужчинам.

«Ты говоришь, что у тебя нет сердца. Но я держу в руках двести страниц, где оно бьётся на каждой строчке. Скажи мне куда оно делось?»

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Субботы на набережной

Пролог

Стамбул, 1997 год. Октябрь.

Он стоял на перроне и сжимал в руке тетрадь в клеёночной обложке. Так сильно, что побелели костяшки. Вокзал Хайдарпаша гудел, пахло углём, сыростью и чужими судьбами. Где-то кричал носильщик, где-то плакал ребёнок, но Денис слышал только стук собственного сердца — оно колотилось где-то в горле, мешая дышать.

Она стояла у вагона. Рыжая, худая, с большим старым чемоданом, который явно достался от бабушки. Шарф — шерстяной, зелёный, немного выцветший — обмотан вокруг шеи в три слоя. Она всегда куталась, даже в октябре, когда солнце ещё пыталось светить. *Греется, как воробей,* — думал он тогда.

Марина. Его Марина.

— Денис, я не хочу...

Она начала, но он перебил.

— Надо. Ты должна. Там школа лучше, там жизнь лучше. Ты же говорила, что хочешь стать врачом. Разве здесь, в этом... — он махнул рукой в сторону старого квартала, где не было горячей воды и где стены плесневели, — ты станешь?

Она опустила глаза. Рыжие ресницы дрогнули.

— Но я вернусь. Я напишу тебе. Я буду писать каждую неделю, — сказала она, и это прозвучало как клятва.

Денис кивнул. Он хотел улыбнуться, но не смог. Внутри всё сжималось в тугую комок. Он знал, что врёт. Знал, что она не вернётся. Знал, потому что её отец сказал ему вчера: *«Ты даже не человек, ты сын прачки. Ты ей не пара, мальчик. Никогда не будешь. Отпусти её, пока она ещё не испортила себе жизнь из-за тебя.»*

Денис тогда молчал. Он не умел драться. Он умел только писать стихи. И сейчас он протянул ей тетрадь.

— Это тебе.

Марина взяла её осторожно, будто живую птицу.

— Что это?

— Дневник. И стихи. Я писал их... для тебя. Все три года. Каждый день.

Её глаза расширились, и он увидел в них то, что боялся увидеть: сожаление. Она открыла первую страницу, прочитала пару строк и вдруг захлопнула тетрадь, прижав к груди.

— Денис, я не... я не могу взять это. Это слишком личное. Что, если я потеряю? Что, если прочтает кто-то чужой?

— Не потеряешь, — сказал он твёрже, чем чувствовал. — И не читай сейчас. Прочитаешь в поезде. Когда я уже не буду рядом.

Она посмотрела на него так, как смотрят на больных людей. Смесь жалости и нежности. Денис ненавидел этот

взгляд. Он хотел, чтобы она видела в нём мужчину, а не мальчика, который ждёт её у калитки с цветами.

— Я буду ждать, — сказал он. — Сколько нужно. Я выучу русский. Я найду тебя, если ты не напишешь. Я приеду в твой Петербург пешком, если понадобится.

Марина наклонила голову, и прядь волос упала на лицо.

— Глупый, — прошептала она. — Какой же ты глупый.

Она шагнула к нему и поцеловала в щёку — быстро, почти по-дружески. Но её губы задержались на долю секунды дольше, чем нужно, и Денис запомнил это ощущение — прохладный ветер, солёный привкус, запах яблок и дороги.

— Я напишу, — сказала она уже из вагона. — Обещаю.

Поезд дёрнулся. Засвистел. Колёса заскрежетали по рельсам. Денис пошёл рядом, не отрываясь, смотрел в окно, где её лицо становилось всё меньше и расплывчатее. Она махала ему рукой, и зелёный шарф развевался на ветру.

Он бежал. Бежал до самого конца платформы, пока поезд не скрылся за поворотом. Потом остановился, согнулся пополам, пытаясь отдышаться. В груди пульсировала пустота. В голове шумело.

Она не сказала «люблю». Она сказала «напишу».

Он знал, что это ложь. Не потому что она плохая. А потому что так устроен мир — бедные мальчики не получают писем от рыжих девочек, которые уезжают в другую страну. Он ждал три месяца. Потом полгода. Потом год.

Потом перестал ждать.

Стамбул, 2026 год. Той же осенью.

Она не пришла.

Никто не пришёл.

Дениз Караджа сидел в пустом вагоне старого трамвая, который возили на реставрацию, и смотрел на тетрадь. Ту самую. Он нашёл её через двадцать лет в доме своей матери — она лежала на антресолях, заваленная старыми вещами. Клеёноччатая обложка пожелтела, страницы истлели по краям.

Когда он открыл её впервые за двадцать лет, он не сразу понял, чей это почерк. Мелкий, неровный, с кляксами. Мальчишеский. Чужой.

Потом он прочитал первую строчку и вздрогнул.

«7 сентября 1997. Я сегодня увидел её в окне автобуса. Она ела яблоко и читала Бродского. Я запомнил цвет её шарфа. Море сегодня пахло так же, как её волосы — солью и чем-то горьким. Я, кажется, умираю. Это называется любовь? Если да, то почему она так болит?»

Дениз медленно закрыл тетрадь. Посмотрел в окно трамвая — за стеклом проплывал тот самый вокзал Хайдарпаша. Только теперь он был старше, облезлее, и за ним строились стеклянные башни — его башни. Небоскрёбы, которые он построил, чтобы доказать миру, что он теперь не сын прачки. Что он теперь кто-то.

Но внутри, под костюмом за три тысячи долларов, под холодным взглядом и стальной хваткой, жил тот самый мальчишка. Который до сих пор ждёт письма.

Он знал, что должен сжечь эту тетрадь. Выбросить. Забыть. Он — Дениз Караджа, «Демон Босфора», человек без сердца. Люди платят миллионы, чтобы он просто посмотрел в их сторону. У него нет времени на сантименты.

Но он не сжёг.

Он сунул тетрадь обратно в старый стол, в самом дальнем кабинете, куда никто не заходит. И пообещал себе, что никогда не откроет её снова.

Неделю спустя

В этот кабинет вошла женщина. Худая, в простом свитере, с папкой документов в руках. Она искала старые отчёты и случайно задела ящик.

Он открылся, и она увидела пожелтевшую тетрадь в клеёнчатой обложке.

— Что это? — прошептала Алиса.

Она подняла её, стряхнула пыль и открыла первую страницу.

«7 сентября 1997. Я сегодня увидел её в окне автобуса...»

Алиса села на пол, прямо на холодный кафель, и начала читать.

А за её спиной, в дверях, стоял Дениз. Он видел, как она держит его прошлое в руках. И чувствовал, как земля уходит из-под ног.

— Положи на место, — сказал он голосом, в котором не было ни капли тепла.

Она подняла на него глаза.

— Это ты написал?

— Я сказал — положи.

Но Алиса не положила. Она сжала тетрадь в руках и медленно встала.

— Если это твоё, — сказала она тихо, — значит, ты умеешь чувствовать. Вопрос только в одном, Дениз...

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Почему ты делаешь вид, что нет?

Запись №1

15 сентября 1997 года

Она уехала.

Я стою на вокзале уже второй час. Поезд ушёл, а я всё ещё здесь. Смотрю на рельсы, на пустые скамейки, на чайку, которая клюёт крошки. Я не могу заставить себя уйти. Потому что если я уйду, это будет означать, что я сдался. Что я принял.

А я не принимаю.

Я не принимаю, что она уехала. Я не принимаю, что она не взяла мою тетрадь. Она сказала: «Это слишком личное». Но я отдал бы ей всё. Каждое слово. Каждую мысль. Я хотел, чтобы у неё была частичка меня, когда она будет там, в этом холодном Петербурге.

Она обещала написать.

Я буду ждать. Буду ждать каждый день. Буду проверять почтовый ящик утром и вечером. Я буду стоять у калитки и смотреть на дорогу, откуда может прийти поч-

тальян. Я буду верить, что она помнит. Что она вернётся.

Мама сказала сегодня: «Не жди, сынок. Она не вернётся. Такие девушки, как она, не возвращаются к нам».

Я не поверил. Я не хочу верить.

Сегодня я написал новое стихотворение. Оно начинается так:

«Я оставил своё сердце на платформе,

Там, где поезд уносил тебя.

Я отдал его тебе в зелёном шарфе,

Но ты даже не обернулась...»

Я не знаю, хорошо ли это. Но это правда...

Я больше не хочу писать о боли. Я хочу писать о надежде. О том, что она вернётся. О том, что мы ещё встретимся.

Я сохраню эту тетрадь. Я буду писать в ней до тех пор, пока она не придёт. И тогда я отдам ей её. Всю. От первой до последней страницы.

Глава 1

Стамбул, 2026 год. Сентябрь.

Самолёт тряхнуло в последний раз, и Алиса поняла, что они сели. Она смотрела в иллюминатор на серое осеннее море, на полосы бетона, на чаек, которые кружили над взлёткой, и чувствовала только одно — усталость. Таковую, когда кости ноют, а мысли путаются, и хочется просто лечь и не вставать.

Она не хотела сюда прилетать. Она вообще не хотела никуда лететь, но работа есть работа. Крупный контракт, международная компания, срочный аудит — и вот она здесь, в чужом городе, который пахнет морем и жареными каштанами, который гудит тысячами голосов на сорока языках.

Зачем я согласилась? — мелькнула мысль, пока она стояла в очереди на паспортный контроль, сжимая в руке засаленный паспорт и пытаясь угадать, какая стойка движется быстрее.

Потом такси. Потом отель. Потом пять часов сна, на которые она не имела права.

Офис компании «Караджа Холдинг» находился в центре, в башне, которая уходила в небо так высоко, что у Алисы закружилась голова, когда она подняла голову. Стекло, бетон, сталь. Никакого намёка на Стамбул, на его старые улочки, на мечети и базары. Только холодный, деловой, бездушный

минимализм.

Она вошла в вестибюль и на секунду замерла. Строгие охранники, стойка ресепшн из чёрного мрамора, огромная люстра, которая стояла, наверное, больше, чем весь район, где она выросла.

— Вы к господину Караджа? — спросила девушка на ресепшн с идеальной улыбкой, которая явно стояла дорогих виниров.

— Да, я Алиса. Из международного отдела аудита. У нас назначено на одиннадцать.

— Проходите. Вас ждут.

Лифт бесшумно поднял её на сорок пятый этаж. Сердце билось ровно, спокойно — усталость притупила эмоции, и Алиса почти не волновалась. Она делала это сотни раз: входила, пожимала руки, задавала вопросы, проверяла документы. Ей было плевать, кто перед ней — владелец корпорации или простой бухгалтер. Цифры не врут. Цифры — единственное, чему она доверяла.

Дверь открылась бесшумно. Алиса шагнула в кабинет и на секунду ослепла — из огромных панорамных окон лился холодный осенний свет, который отражался от белых стен, от стеклянного стола, от хромовых ножек стульев. Всё сверкало, всё было стерильно, ничего лишнего.

Только человек за столом был живым.

Он сидел в чёрном кресле, не поднимая головы, и что-то писал на планшете. Строгий костюм, белая рубашка, воло-

сы тёмные, чуть длиннее, чем обычно носят бизнесмены, — небрежно зачёсаны назад. Лёгкая щетина на скулах, тонкие пальцы быстро водят по экрану.

Он не поднял глаз.

— Проходите, — сказал он, и голос прозвучал ровно, безэмоционально, как голос робота. — Садитесь.

Алиса села напротив. Положила папку на стол. Он всё ещё не смотрел на неё.

— Мы можем начать, — сказала она спокойно. — У меня есть вопросы по нескольким позициям в отчёте за прошлый квартал. В частности, меня интересует фонд «Старые мастера».

Рука с планшетом замерла на секунду. Это была едва заметная пауза — но Алиса, которая привыкла читать людей по микродвижениям, заметила.

Он поднял голову.

Их взгляды встретились.

— Фонд? — переспросил он, и в его голосе появилась лёгкая, едва уловимая сталь. — Что именно вас интересует?

— Платежи. Почти полмиллиона долларов уходят туда каждый квартал, но в официальной отчётности эти суммы... не совсем прозрачны. Нет чёткой структуры, нет подтверждающих документов. Вы либо очень плохо ведёте учёт, господин Караджа, либо что-то скрываете.

Она смотрела на него прямо, без страха. Он — на неё, изучающе, как хищник, который оценивает жертву.

— И что, по-вашему, я скрываю? — спросил он, и уголки его губ чуть дрогнули. Не улыбка. Полуусмешка, от которой по коже пробежали мурашки. — Что я ворую? Отмываю деньги? Финансирую террористов?

— Я не знаю. Поэтому я здесь.

Она не отвела взгляда. У неё было правило: никогда не бояться тех, кто сидит за большим столом. Они такие же люди. Только денег больше и совести — меньше.

Дениз отложил планшет в сторону и сложил руки на столе. Теперь он смотрел на неё с интересом, которого не было минуту назад.

— Сколько вы получаете? — спросил он.

— Что простите?

— Зарплата. Контракт. Сколько вам платят за то, чтобы вы приходили в чужие офисы и задавали неудобные вопросы?

Алиса сжала челюсти.

— Моя зарплата вас не касается.

— Касается, — он наклонился вперёд, и она почувствовала запах его парфюма — терпкий, горьковатый, с нотками дерева и кожи. — Я могу позвонить вашему начальнику и сказать, что вы ведёте себя непрофессионально. Что вы не просто проверяете цифры, а ищете грязь. Знаете, что будет? Вас отправят в другой отдел. Или уволят. Я хороший друг вашего босса.

Алиса выпрямилась. Её сердце пропустило удар, а потом

забилось чаще — но не от страха. От злости.

— Вы угрожаете мне?

— Я предлагаю вам выбор, — он спокойно откинулся на спинку кресла. — Вы можете закрыть глаза на «непрозрачные платежи», подписать акт о чистом аудите и улететь домой с премией. Или... вы можете поработать на меня. Лично.

— Что значит — «поработать на вас»?

Он медленно открыл ящик стола и достал папку. Таковую же, как у неё, только толще. Положил перед ней.

— Здесь все документы по фонду «Старые мастера». Каждый цент. Каждый платёж. Каждое имя, — он постучал пальцем по папке. — Я не вор, Алиса. Я покупаю старые мастерские, дома, ремесленные лавки в бедных районах, чтобы их не скупили китайцы. Я сохраняю этот город таким, каким он был в детстве. Но я не могу афишировать это, потому что мои акционеры считают благотворительность слабостью. Понимаете?

Алиса смотрела на папку, не открывая.

— И зачем я вам?

— Потому что вы — первая, кто заметил эти платежи. Вы умны. Вы не берёте взятку. Я проверил вас, — он наклонил голову, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение. — Я предлагаю вам контракт. Вы становитесь моим личным финансовым советником. Не официально — вы всё ещё работаете в своей компании, но отчитываетесь передо мной. Я

плачу вам в два раза больше. Вы следите, чтобы мои деньги не утекали не туда. А я... не звоню вашему боссу.

— Это шантаж, — тихо сказала она.

— Это сделка, — поправил он. — Вы спасаете свою карьеру. Я — сохраняю анонимность. Идёт?

Она молчала. В голове шумело. Она видела таких, как он, сотни раз — богатые, уверенные, которые привыкли решать всё деньгами. Она хотела встать, швырнуть в него этой папкой и уйти, хлопнув дверью.

Но она не могла. Потому что её отец лежал в больнице, и счета за его лечение росли каждый месяц. Потому что у неё не было права на гордость. Только на расчёт.

— Я подумаю, — сказала она, сглотнув.

— Думайте, — он улыбнулся, и на этот раз улыбка была почти человеческой. — Только не долго. Суббота, набережная. Я отправлю адрес. Встретимся там, обсудим детали.

Он встал и подошёл к огромному окну, спиной к ней. Разговор был окончен.

Алиса взяла папку, поднялась и пошла к двери. Уже взявшись за ручку, она обернулась.

— Почему набережная? — спросила она. — Почему не здесь, в офисе?

Он не обернулся. Но его голос прозвучал тихо, почти задумчиво.

— Потому что в офисе я — Дениз Караджа. А на набережной... я просто Дениз.

Она вышла из кабинета и прислонилась к стене в коридоре. В груди колотилось. Она ненавидела его уже сейчас — этого холодного, самоуверенного типа, который привык управлять людьми как пешками. Но он был прав. Она заметила платежи. Она была умной. И у неё не было выбора.

В руке она сжимала папку, которую он дал. Тяжёлую, плотную. И вдруг она заметила, что на обороте папки, на самом дне, виднеется что-то жёлтое — старый бумажный уголок.

Она аккуратно приоткрыла папку и заглянула внутрь. Там, между документами, была засунута потрёпанная тетрадь в клеёнчатой обложке. Не его личная. Чужая. Старая, истрёпанная, как будто её носили в рюкзаке, как будто её читали сотни раз и плакали над ней.

Алиса хотела сразу вернуть её — это явно была случайность. Но она увидела, что первая страница открыта.

И прочитала.

«7 сентября 1997. Я сегодня увидел её в окне автобуса. Она ела яблоко и читала Бродского...»

Рука дрогнула.

Алиса захлопнула тетрадь и сунула её обратно в папку. Сердце колотилось где-то в горле. Это не её дело. Это просто старые бумаги, ошибка архива.

Но почему-то она не положила тетрадь обратно в кабинет. Она сунула её в свою сумку и быстро пошла к лифту.

Эта же ночь. Отель.

Алиса сидела на кровати в дешёвом номере, глядя на тетрадь, которую она украла.

Она знала, что это неправильно. Что она нарушила все возможные правила этики. Что Дениз, если узнает, убьёт её — не буквально, но профессионально.

Но она открыла её снова.

И начала читать.

«...Я запомнил цвет её шарфа. Море сегодня пахло так же, как её волосы — солью и чем-то горьким. Я, кажется, умираю. Это называется любовь? Если да, то почему она так болит?»

Она перевернула страницу. Ещё одну. Ещё.

И в какой-то момент поняла, что не может остановиться.

Это был дневник. Мальчишки, который любил рыжую девочку, которая уехала в Россию и никогда не вернулась. Который писал стихи ночью при свече, потому что не было света. Который отдал ей всё, что у него было.

И этот мальчишка... был Денизом.

Тем самым ледяным магнатом, который шантажировал её сегодня утром.

Алиса закрыла тетрадь и посмотрела в окно. Там, за стеклом, сверкал Стамбул — огни, мосты, мечети. Там, где-то в центре, в стеклянной башне, сидел человек, который двадцать лет назад писал стихи о любви. И который сегодня смотрел на неё как на винтик в своей системе.

Кто ты на самом деле, Дениз? — прошептала она в тем-

ноту. — *И что ты сделал с тем мальчиком?*

Тетрадь лежала рядом с ней на подушке. Она не могла заснуть.

Завтра была суббота.

Завтра они встретятся на набережной.

И она будет знать то, чего он никогда не расскажет ей сам.

Глава 2

Стамбул, 2026 год. Суббота.

Она проснулась в шесть утра, хотя будильник стоял на семь. Тело ныло от усталости, голова гудела, а в груди застрял комок тревоги — тот самый, который не давал ей спать всю ночь.

Алиса повернулась на бок и посмотрела на тетрадь. Она лежала на тумбочке, пожелтевшая, потрёпанная, с облупившейся клеёнчатой обложкой. Она не трогала её после вчерашнего — отложила, закрыла, задвинула подальше. Но тетрадь всё равно была здесь, и каждая страница будто шептала: *ты знаешь то, чего он никогда тебе не расскажет.*

— Это не моё дело, — прошептала Алиса в пустоту.

Она встала, налила воду из графина, сделала несколько глотков. За окном серел рассвет, город просыпался. Где-то внизу кричали чайки, гудели первые машины, слышался голос продавца, который раскладывал на прилавке горы оранжевых хурм.

Алиса подошла к зеркалу и посмотрела на себя. Тёмные круги под глазами. Она не спала почти ничего, всё прокручивала в голове сцену из его кабинета: его взгляд, его голос, его пальцы, барабаниющие по столу. И потом — та фраза: *«На набережной я просто Дениз».*

Кто же ты, Дениз?

Она не знала ответа. Но она знала, что сегодня в три часа дня они встретятся. И что она принесёт ему эту тетрадь. Она вернёт её, потому что нельзя хранить чужое прошлое. Это неправильно. Это граница, которую она не имеет права переступать.

Она так и решила.

В три часа дня Стамбул был залит жидким осенним светом — уже не ярким, но ещё не тусклым. Солнце висело над водой и разливалось по поверхности Босфора золотыми мазками, как масло на холсте. Воздух пах морем, водорослями, мокрыми камнями и жареными каштанами, которые продавали у входа на набережную.

Алиса шла вдоль воды, держа в руках папку с документами. А внутри, спрятанная между отчётами, лежала та самая тетрадь. Она решила вернуть её сразу, как только увидит Дениза. Скажет: *«Это ваше. Случайно попало в мои документы. Извините»*. И всё. Без объяснений, без лишних слов.

Она нашла его у скамейки, недалеко от старого причала.

Дениз сидел на каменном парапете, закинув ногу на ногу, и смотрел на воду. На нём была простая чёрная футболка и лёгкая ветровка — без галстука, без пиджака, даже без того холодного блеска в глазах, который он носил как маску в офисе. Он выглядел... другим. Младше, что ли. Или просто уставшим.

— Вы пришли, — сказал он, услышав её шаги.

— Я пришла.

Она села рядом, оставив между ними полметра — дистанцию для переговоров. Положила папку на колени, сжала её крепче.

— Я хочу кое-что вернуть, — начала она, протягивая руку к папке.

— Подожди, — перебил он, не глядя на неё. Он всё ещё смотрел на воду, на чаек, на далёкие корабли. — Давай сначала поговорим. Я хочу убедиться, что ты согласна на мои условия.

— Я согласна, — быстро сказала Алиса. — Только...

Она хотела сказать о тетради, но он повернулся к ней, и их глаза встретились. Он посмотрел на неё так, как будто пытался разглядеть что-то важное, спрятанное глубоко внутри.

— Почему ты согласилась? — спросил он тихо. — Ты могла отказаться. Я не стал бы звонить твоему боссу. Мне просто нужно было проверить тебя — что ты за человек. Ты могла уйти, но ты осталась.

Алиса замерла. Она не ожидала этого вопроса. Она думала, что он будет говорить о деньгах, о контрактах, о сроках. Но он смотрел на неё так, как будто ему действительно было важно понять.

— Потому что мне нужны деньги, — честно ответила она. — Мой отец болен. Лечение дорогое. У меня нет выбора.

Дениз нахмурился. Его лицо стало серьёзным, почти напряжённым.

— А если бы у тебя был выбор? Что бы ты сделала?

Алиса помолчала. Она не привыкла говорить о своих чувствах — даже с самой собой она редко позволяла себе откровенность.

— Я бы... наверное, ушла, — сказала она медленно. — Потому что я не люблю, когда меня шантажируют. Но я бы осталась, потому что ты... — она запнулась, — потому что ты не вор.

Он усмехнулся. Не холодно, а как-то горько, как будто слышал старую шутку, которая когда-то была смешной, а теперь только ранила.

— Откуда ты знаешь? — спросил он. — Ты видела мои документы всего один день.

— Я видела твой взгляд, — сказала она, и слова вырвались сами собой, без разрешения. — Когда ты говорил о фонде «Старые мастера», ты не врал. У тебя был такой взгляд... будто ты защищал что-то личное.

Он отвернулся. Его пальцы сжались на парапете, но лицо осталось спокойным.

— Ты слишком наблюдательная, Алиса. Это опасно.

— Это моя работа.

Они замолчали. Ветер шевелил её волосы, и где-то рядом кричали дети, которые запускали воздушного змея. Солнце уже начало садиться, окрашивая небо в медовые и розовые тона. Тишина между ними была странной — не неловкой, а какой-то... наполненной.

Алиса чувствовала, что сейчас должна сказать о тетради.

Она снова положила руку на папку, чтобы открыть её, но Дениз заговорил первым:

— Я не хочу, чтобы ты работала на меня как подчинённая,
— сказал он вдруг.

Она удивлённо подняла брови.

— А как?

— Я хочу, чтобы ты была моим партнёром. Я хочу, чтобы ты проверяла меня. Спрашивала. Сомневалась. Ты — первая, кто увидел мои ошибки. И ты — единственная, кто не испугался сказать мне об этом. Это дорогого стоит.

Алиса моргнула. Она не ожидала таких слов. И тем более — такого тона. Не приказ, а почти просьба.

— Ты доверяешь мне? — спросила она. — Мы знакомы два дня.

— Я доверяю фактам, — ответил он, глядя на неё снова.
— Факт: ты не взяла взятку. Факт: ты заметила то, что никто не замечал три года. Факт: ты пришла сегодня, хотя могла не прийти. Этого достаточно.

Алиса почувствовала что-то тёплое внутри. Она не знала, что это — гордость, радость, смущение. Но она поняла, что впервые за долгое время кто-то увидел в ней не просто «девочку с хорошими аналитическими способностями», а человека, которому можно верить.

— Ты хочешь, чтобы я была честной с тобой? — спросила она.

— Да.

— Тогда я должна тебе кое-что сказать.

Она открыла папку и достала тетрадь. Протянула ему.

Дениз взглянул на неё, и его лицо изменилось. Резко, как будто он увидел призрака. Его глаза расширились, дыхание перехватилося, он побледнел так быстро, что Алисе стало страшно.

— Где ты это взяла? — спросил он, и голос его был низким, глухим, почти рычащим.

— Она была в твоей папке. Я случайно увидела... — Алиса запнулась. — Я не хотела тебя шокировать. Я просто хотела вернуть её.

— Ты читала? — спросил он, и в голосе появилась сталь. Она кивнула. Лгать было бесполезно.

— Да. Немного. Первые записи. Прости, я знаю, что это личное. Но я не могла остановиться.

Он вскочил. Она тоже встала, инстинктивно делая шаг назад.

— Ты не имела права! — сказал он, сжимая тетрадь в руке. — Это не для чужих глаз. Это... это прошлое, которое я похоронил! Ты думаешь, что, прочитав две страницы, ты меня поняла? Ты ничего не понимаешь!

— Тогда расскажи! — крикнула она в ответ, и её голос был таким же резким, как и его. — Расскажи, кто ты на самом деле! Потому что я видела твои стихи! Я видела, как ты писал о ней! И я не понимаю, как тот мальчик мог превратиться в того, кто угрожает людям и смотрит на мир с такой

пустотой!

Они стояли друг напротив друга, разделённые тенью и двумя метрами каменного парапета. Ветер рвал её волосы, его ветровку. Глаза его горели, она видела, как он сжимает тетрадь так, что белеют костяшки.

А потом он сделал то, чего она не ожидала.

Он не закричал. Не ушёл. Он просто опустился на скамейку, закрыл лицо руками и замер. Вся ярость, вся сталь ушла из него, оставив только усталость — глубокую, многолетнюю, которую невозможно спрятать за дорогим костюмом.

— Ты не понимаешь, — сказал он тихо. — Я не превратился в этого человека. Я стал им, потому что тот мальчик... тот мальчик умер, когда она уехала. Умер, когда я понял, что она не вернётся. Умер, когда брат украл мои стихи и сказал ей, что это он написал их. Умер, когда я пришёл к её дому и увидел, как они упаковывают вещи в грузовик.

Он поднял голову. Глаза его были сухими, но в них было столько боли, что Алиса почувствовала, как её собственное сердце сжимается.

— Я не знаю, кто ты, Алиса, — сказал он. — Я не знаю, почему ты появилась именно сейчас, когда я уже решил, что не буду никому ничего рассказывать. Но знаешь, что я понял сегодня?

— Что? — выдохнула она.

— Ты пришла не из-за денег. Ты пришла, чтобы что-то

найти. Может быть, себя. Или того человека, который потерялся двадцать лет назад.

Она смотрела на него, и все её слова застряли в горле. Она хотела сказать, что это неправда. Что она здесь по работе. Что она не ищет никого, кроме доказательств и чистых отчётов.

Но она молчала.

Потому что он был прав.

Они сидели на скамейке до темноты. Дениз молчал, глядя на воду. Алиса сидела рядом, чувствуя, как между ними постепенно тает лёд. Он держал тетрадь в руках, иногда перелистывал страницы, но не читал — просто держал, как будто боялся, что она испарится, если разожмёт пальцы.

— Я никогда никому не показывал это, — сказал он наконец. — Даже матери.

— Почему?

— Потому что стыдно.

Она повернулась к нему.

— Стыдно писать стихи о любви? Это же не стыдно. Это красиво.

— Стыдно быть слабым, — ответил он, и в голосе его не было злости. Только горечь. — Когда ты бедный, у тебя нет права на слабость. Ты должен быть сильным, иначе тебя съедят. Я научился быть сильным. Я научился не плакать. Я научился не верить. Я научился не ждать.

— А ждать ты умел, — тихо сказала Алиса. — Ты ждал

её три года.

Он не ответил. Просто сжал челюсти.

— Откуда ты знаешь? — спросил он после паузы.

— Я прочитала. Там написано про вокзал. Про её шарф.

Он закрыл глаза.

— Ты запомнила её шарф? — спросила Алиса.

— Я запомнил всё, — сказал он. — Каждую секунду. Каждое слово. Я до сих пор помню, как она махала мне из окна. Я до сих пор слышу свисток поезда.

Он открыл глаза и посмотрел на неё. В его взгляде не было холода — только усталая, почти детская растерянность.

— Я не знаю, что мне делать с этим, — сказал он. — С этой тетрадью. С тобой. Я не умею... быть открытым.

— Тогда не будь, — сказала Алиса, и в голосе её была та самая сталь, которую он так любил видеть в других. — Но хотя бы перестань врать себе, что тебе всё равно. Не всё равно.

Она встала, отряхнула брюки.

— Я согласна на твои условия, Дениз. Я буду работать с тобой. Но я не буду твоей пешкой. Если ты хочешь партнёра — будь готов, что я буду задавать вопросы. Самые неудобные.

Она повернулась, чтобы уйти, но услышала его голос за спиной:

— Алиса.

Она обернулась.

— Спасибо, — сказал он. И это слово было самым тихим, самым честным из всех, что она слышала от него.

Алиса кивнула и пошла вдоль набережной, чувствуя, как внутри неё что-то меняется. Что-то тёплое, хрупкое, как тот самый зелёный шарф из 1997 года.

Она вернулась в отель, сняла мокрые кроссовки и села на кровать, глядя в стену. В голове шумел ветер, и у неё на губах всё ещё оставался вкус солёного воздуха и его последних слов.

Спасибо.

Она усмехнулась. Этот человек, который строил небоскрёбы и покупал целые кварталы, только что сказал «спасибо» так, как будто она спасла ему жизнь.

— Дурак, — прошептала она в темноту. — Глупый, влюблённый мальчишка в теле взрослого циника.

Она легла на спину и уставилась в потолок.

Что же ты наделала, Алиса? Ты приехала сюда работать, а теперь впутываешься в чужую боль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.